

называет воровством ту статью, что Ждан Медведев учинил при боярине и воеводе при князе Михайле Васильевиче Шуйском, и он де Иван про то скажет: ныне как де приехал в Великий Новгород боярин и воевода князь Михайло Васильевич, а с ним дьяк Сыдавной Васильев, и велели де им делати на приход и на расход свои книги, и подъячей де Ждан Медведев зделав книги, написал в те новые книги в приход и болши полутретых тысяч ноугороддких доходов, а в прежних в приходных в болших книгах те денги в приходе написаны в розных статьях, колко в которой статье каких доходов взято, и про то де он Иван в счете в своем объявил, а не укрыв той статьи».

Приведя на допросах аргументы в пользу своей невинности в тех преступлениях, которые приписывал ему Пятой Григорьев, Иван Тимофеев подал встречную челобитную, обвиняя того в клевете. По словам Тимофеева, когда он произвел по поручению Я. П. Делагарди и И. Н. Большого Одоевского проверку документации, имевшейся в «Боярской избе» и Дворцовом приказе, то выявился «недочет ... государеве казне» и вскрылись «дьячьи и подъяческие наружные вины». Тогда дворцовый дьяк Пятой Григорьев, «рняся тому ... счету», «счетное дело хотя поставити, штоб их вины не объявились», подал на Тимофеева «письмо безделное», «которые на них прямые их вины у счету ныне сысканы». Ссылаясь на то, что за годы его многолетних служб «во многих приказах на Москве у великих дел и zde в Новгороде» «воровства ... никакова нигде не бывало», Тимофеев просил дать ему «управу» на Пятого Григорьева, с тем чтобы он «от такова без вины на старость в позоре обезчестен не был».⁵⁸

Предаваясь в своем «Временнике» воспоминаниям о годах, проведенных в «плену» в Новгороде, Тимофеев писал, что он боялся не только интервентов, «иже град враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих», но и их единомышленников из числа русских людей («своеверных»), «иже приседят о нас тайно в ловителях ко еллином». Они действовали вместе со шведскими захватчиками против русских патриотов: «ловят бо и убивают, яко лев во ограде, сице они во дни и в нощи християном душа с телесы неповинныя».⁵⁹ Они были виновниками раскола в обществе («всяко в добрых расколы творяху»). Своя жизнь была для них дороже всего мира («свой живот вмениша паче всего мира»). Они допускали «лукавство» в отношении и «неверных», и «своеверных» и, таким образом, хромали на обе ноги («на обе ноги храмлюще»)⁶⁰.

Говоря о подобных двурушниках и изменниках своего народа, Тимофеев, конечно, имел в виду и Пятого Григорьева. Последний возбудил дело против Тимофеева в тот период, когда в Новгороде все усиливалось недовольство действиями шведов. В апреле 1615 г. (т. е. почти одновременно с делом Тимофеева) Э. К. Горн доносил «из Новгородского кремля» в Швецию королю Густаву-Адольфу об антишведских настроениях новгородцев. Горн указывал в своем донесении: я требовал «от них присяги, какую желает Ваше королевское величество, чтобы Ваше королевское величество еще более могло быть обеспечено насчет их верности. Но бо́льшая часть поет свою старую песню, ссылаясь на устное обещание Вашего королевского величества, что кто не хочет быть под защитой Вашего королевского величества и не хочет добровольно присягнуть Вашему королевскому величеству, те могут уехать, куда пожелают: ссылаются и на многое другое».⁶¹ Правда, некоторых новгородских людей шведские интервенты

⁵⁸ Стокгольмский государственный архив Новгородский фонд, слб 55.

⁵⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр 119, 293.

⁶⁰ Там же, стр 120, 294

⁶¹ Арсеневские шведские бумаги 1611—1615 гг., стр 48.